

В. Березанцев, А. Деникин, В. Крылов, А. ф. Лампе,
Е. Месснер, А. Олехнович, А. Рябинский,
А. Шолон, И. Эйхенбаум

РЫЦАРИ РОССИИ

ПАМЯТКА-СБОРНИК
под редакцией
М. Друецкого, В. Крылова, Е. Месснера

Издание Южно-Американского Отдела Института
по исследованию проблем войны и мира
имени проф. генерала Н. Н. Головина

Памятка эта издана при техническом и финансовом содействии:
"РУССКОГО СЛОВА"

К Н И Г И   О Б   О Ф И Ц Е Р Е

- 1) ПУТИ ВЕРНЫХ Генерал фон Лампе Песо 150.—
- 2) ВОСПОМИНАНИЯ Генерал Витковский Песо 150,—
- 3) СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ОФИЦЕРСКИЙ ПОЛК 1918-1920. Страницы к истории Белого Движения на Юге России. В. Альмендингер Песо 150.— Продажа 1, 2, 3 у
S. Gegela-Shwili, Aguas Buenas 3032, Buenos Aires, Argentina.
- 4) МАРКОВЦЫ В БОЯХ И ПОХОДАХ ЗА РОДИНУ Песо 500.— Продажа у
A. Strelin, calle Int. Witcomb 399, Villa Ballester, FNGBM, Argentina.
- 5) РУССКИЙ КОРПУС НА БАЛКАНАХ во время Второй Великой войны 1941-1945 г.г. Предварительная подписка долл. 4.50, для чинов Корпуса долл. 3.50; в тверд. перепл. соответственно 5.50 и 4.50.
- 6) ВЕРНЫЕ ДОЛГУ Сборник-памятка 1-го полка Русского Корпуса. Долл. 3,—
Продажа 5 и 6 у
D. Vertepov, 349 W, 86 str., New York, N. Y., U. S. A.
- 7) ПРОБЛЕМЫ ВОЙНЫ И МИРА проф. Е. Месснер Песо 160.—, долл. 4.00
- 8) НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ Предварительная подписка долл. 6.— Продажа у
J. Shaiditzki, 151 — 21 st. avenue, San Francisco 21, Calif., U. S. A.
- 9) РЫЦАРИ РОССИИ Памятка об офицерах. В Латино-Америке песо 25.—
почтой песо 30.—; в др. странах долл. 0.50 (с пересылкой). Продажа 7, 8, 9 у
E. Moessner, Congreso 3610, Buenos Aires 30, Argentina.

Царь Петр I создал христолюбивое, победительное воинство России.
Царь Александр I триумфально повел его через всю Европу.
Царь Александр II реорганизовал его на базе всеобщей повинности.
Царь Николай II укрепил его современной техникой.

КОРПУС ОФИЦЕРОВ

Кто шел в офицеры? — Шли дворяне и дети дворянские, шли попovich и мещане, шли из купечества и крестьянства; шли богатеи, родители которых давали им по 500-800 рублей в месяц для службы в гвардии, шли и бедняки, которые избирали вакансию на Дальний Восток для того, чтобы, получив поверстные прогонные, могли несколькими сотнями рублей помочь отцу в хозяйстве; шли молодые люди с высшим образованием, как генерал Врангель, а шли и с шестиклассной школой, пока существовали юнкерские училища, для поступления в каковые не требовалось аттестата зрелости. Всю эту разнокалиберную молодежь перемалывали военные училища, которые нельзя не признать лучшими в России учебными заведениями, потому что они обучали в с е м у, что надо, и т о л ь к о тому, что надо, и они в о с п и т ы в а л и, чего не делали ни средние, ни высшие школы вне военного ведомства. Военные училища в два, три года превращали своих питомцев в стандартного офицера: все отлично обучены, все хорошо воспитаны в светском смысле, все великолепно воспитаны в сознании воинского долга, жертвенного служения Родине и преданности Верховному Вождю.

Воспитание в военных училищах вынимало из души и поведения не-офицерские свойства и манеры, и развивало в индивидууме качества офицерские, давая простор индивидуальности. В результате, капитан Генерального Штаба (впоследствии генерал) Корнилов, рискуя жизнью, переодевается афганцем и едет разведывать крепость в Афганистане; полковник - артиллерист Измьстев под видом слуги нанимается к изобретателю в Германии бездымного пороха и привозит в Россию секрет; капитан генерального штаба Штейфон рекогносцирует Эрзерум и, рассудку вопреки, докладывает о возможности взять эту крепость среди зимы; и неприступная твердыня взята; упорной работой без блеска, но со вдумчивостью Алексеев становится генералом и начальником Штаба Верховного Главнокомандующего; профессор Военной Академии генерал-лейтенант Марков кидается на бронепоезд с гранатой в руке и берет его; генерал Деникин со своими железными стрелками выдерживает на горе Козювка в Карпатах по 14 австрийских атак в сутки. Столь разнообразные индивидуальности вышли из однообразного военно-училищного воспитательного процесса.

Офицер сильно стличался от адвоката, купца, помещика, которые р а б о т а л и, от чиновника, инженера на фабрике, агронома в земстве, которые с л у ж и л и, — отличался тем, что его офицерская деятельность была не работой, не службой, а с л у ж е н и е м. Как монах не снимает своей рясы, так офицер всегда носил форму в знак того, что его служение Родине никогда не прерывается личной жизнью. Юрист, капиталист, педагог и н о г д а чувствовал себя обязанным (или вынужденным) чем-то пожертвовать для Отечества, офицер же с момента производства и до выхода в отставку сознавал свою обязанность собою жертвовать для Родины. Для него не было иного понимания, как то, что выражено в военной песне: "Жизни тот один достоин, кто на смерть всегда готов".

Офицерам — 50-ти тысячному корпусу офицеров — Царь вверял воинство. Велик был труд, ежегодно получая 400.000 парней, преимущественно крестьянских и по большей части полу-грамотных, превратить их через пол года в отличных солдат, а через три года, отпуская их в запас, дать Отечеству поданных с национальным сознанием, с воинскими качествами, с умственным развитием и со знанием грамоты. И этот труд офицерство несло с душевностью: через строгость воинской дисциплины на каждом шагу проглядывало военное товарищество между солдатом в чинах и солдатом, нижним чином, между отцом командиром и его детьми, воинами Императорской Армии. Если в войске не было идеальной справедливости — а где мы видим идеальную справедливость? — если случались офицеры излишне-требовательные и даже суровые, то все же в войске не было никакой беззаконности, никаких злоупотреблений, никаких хищений. Какая из общественных групп, кроме офицерской, могла в России справедливо гордиться этим?

Офицер был труженником. Служба Его Императорского Величества поглощала его целиком: 9 и 10 часов в сутки, а часто и круглые сутки; на маневрах же — две, три недели от зари до зари и даже ночью.

И тяжесть этого труда усугублялась тяжкими условиями жизни. Только счастливики-гвардейцы, да армейцы в счастливых гарнизонах Москвы, Киева, Одессы жили в подходящих условиях, а большинство полков и батарей квартировало в таких трущобах, как Селищевские казармы на берегу Волхова вдали от всякого жилья, как мелкие городишки на Западной границе, как забытые Богом стоянки на границе Азийской. Зброшенные в унылые гарнизоны, окруженные полу-цивилизованным населением, офицеры все же не утрачивали цивилизованности, культурности. От этого их спасала крепкая офицерская спайка и чувство офицерской чести. Не было в России ни одной корпорации, в которой спайка была бы подобна офицерской; не было ни одной корпорации, в которой, как в корпусе офицеров, честь была бы дороже всего, дороже жизни.

Честь и долг вели офицера на подвиг и смерть на полях Маньчжурии, где войско кровью искупало ошибки правительств, начиная от времен Императора Александра III, которые были очень бережливы в расходах на вооружение: министр финансов Витте, например, не жалел денег на постройку города Дальнего, прозванного Липшином, и не давал ассигновок на постройку крепости Порт-Артур.

Но Японская война была последней, в которой единственными предводителями были офицеры по призыванию: в войне 1914-17 годов рядом с ними стали офицеры по призыву. С введением системы "вооруженного народа" и со всеобщей воинской повинностью на образованный слой народа, на интеллигенцию легла обязанность давать Действующей Армии офицеров запаса для замещения офицеров кадра. Перестав быть единственным защитником Родины, кадровый офицер остался ее первым защитником: первым по привычке умирать во главе своих солдат; первым по уменью предводительств-

зовать. Отсюда — почтение в хороших гражданах к офицеру и пренебрежение к нему в худых гражданах, в пацифистах.

Свое достоинство офицеры показали тем, как они побеждали в стычках, боях, сражениях, и тем, как они умирали во главе своих солдат в Пруссии, в Польше, в Карпатах, у Львова, у Луцка, у Черновцов, под Эрзерумом. Многие полки в первых боях, в августе 1914 года потеряли 60% своего офицерского состава — офицер торопился победить и поэтому торопился умереть за Родину. Офицер сохранил крепость духа в страшных битвах на Равке и Бзуре, под Варшавой, у Лодзи, у Горлице, на Сане; не сломала его духа ни лежание в ржавых болотах Полесья, ни мороз на вершинах Карпат, ни бесснарядье и беспатронье 1915 года, ни артиллерийский вал Макензена, ни убыль всего унтер-офицерского состава кадровой армии, ни мука с необученными пополнениями.

Государь отрекся от трона. Рухнула база офицерского миропонимания, надломалась логика воинского воспитания. В смятенных офицерских душах естественным и понятным образом вырисовывалось решение: нет больше службы Царю, но продолжается служба Отечеству, как продолжается и война, как продолжается и обязанность на фронте все мысли и чувства отдавать боевой работе. А офицерство, находившееся в тылу, было затоплено революцией: утомленный войной, распропагандированный народ решительно и где, решительно и одним своим сословием или классом, или племенем не воспротивился революции. Это сейчас забыли, но это было страшной реальностью 1917 года. Офицерство в целом негодовало на революцию, но оно было численно незначительно по сравнению десятками миллионов, принявших революцию. На кого бы могло опереться офицерство в бушующей революцией стране? На одного кадрового офицера в запасных полках приходилась сотня юных, неопытных офицеров ускоренных выпусков из военных училищ и школ прапорщиков и приходилось несколько тысяч солдат или очень молодых и воински не воспитанных или старых и позабывших воинское воспитание.

Революционерам потребовались годы, чтобы сделать революцию. Офицерам потребовалось 9 месяцев, чтобы соорганизоваться для контр-революции. Ничтожное количество оказалось Иудами и Иудушками. Около 150.000 офицеров вступило в Добровольческую и прочие Белые Армии. А те, что были мобилизованы Троцким, тайно в красной армии служили Белому Делу. Офицерство свой долг выполнило в Гражданскую войну и чести своей не запятало.

Долг и честь были высшим законом жизни офицера в мирное и в военное время. Долг и честь вели его и к белому крестику на грудь и к кресту из двух палок на могилу в поле. Забудьте, Русские люди, о житейских слабостях некоторых офицеров былого времени — кто Богу не грешен, Царю не виноват? — и помните, что офицер был совершеннейшим воплощением любви к России, преданности Царю и поклонения Богу Земли Русской.

Е. Месснер

О Ф И Ц Е Р

Наш офицер, дошедший до конца
И кровью вытекший до суха
Благословен пусть будет от Отца
И Сына и Святого Духа.

Он, как причастник долга и Христа,
Пошел по терниям и соли,
Дорогою Великого Поста.
Дорогою Христовой боли,

И кровь свою он по пути разлил,
Чтоб кровь Христа не высыхала,
И умирал в пути и стыл,
Чтоб жизнь Христа не умирала.

А грех не только свой, но и чужой
Искуплен им на ратной службе,
Походом, честью, сердцем и душой,
А муки вышиты до дна и глубже.

И. Эйхенбаум

П Р О Ф Е С С И О Н А Л Ы   Д О Л Г А

В офицерской профессии знание составляет только четверть его подготовки, а три четверти — чувство долга в отношении Родины, доведенное до самопожертвования. Один император, провозжая полк на войну сказал солдатам: “Если у вас явится упадок духа, то в тяжелую минуту посмотрите на своих офицеров”. Воспитывая солдат для служения Родине, офицер служит ему примером. Офицерское звание требовало умения проявить свою личность для пользы службы и взять на себя ответственность за это. Требовало умения не ронять своего достоинства и беречь свою честь.

Различны на театре войны переживания офицеров в зависимости от занимаемой должности и рода войск. Приведу слова генерала Людендорфа: “Трудности, преодолеваемые пехотой, огромны. Неподвижно лежать под ураганным неприятельским огнем, в грязи и слякоти, страдать от голода и жажды, корчиться сбитыми в кучку в блиндажах, рвах и норах в ожидании неприятельского натиска и выходить из надежно защищенного места для схватки с врагом, глядя в глаза смерти — это есть истинная доблесть”. Она возможна только при наличии дисциплины, поддержанной любовью к Родине и поведенческим сознанием долга.

Прославляют героев-воинов, но высшая награда для офицера — сознание, что они были примером служения отечеству на войне и что победы достигнуты их мужеством.

Пройдут года, пройдут поколения, родятся счастливые дни
И станут народы читать без волненья историю страшной войны.
И, верю я, вы, наши дети и внуки, лишь вы нас прославите вновь
За наше страданье, за пытки и муки, за нашу пролитую кровь.

А. Рябинский

ЧУДО-БОГАТЫРИ

Кадры офицеров в том смысле, как мы понимаем их теперь, зародились в России при Петре Великом, так как к этому периоду нашей истории относится образование у нас постоянной армии, то есть правильно организованной вооруженной силы. Наше прогрессивное общество мало интересовалось своей армией и думало, что офицеры — бездельники, проводящие время в карточной игре, ппойках и других развлечениях.

Уже в начале войны 1914 года во главе армии и флота по всей ее иерархической лестнице стояли люди весьма скромного происхождения, занимавшие даже самые высокие командные посты. Нельзя не отметить, что специально образованная часть нашего офицерства, как офицеры генерального штаба, химики и техники-артиллеристы, военные инженеры, военные юристы и др. были по своей подготовке много выше гражданских лиц из высших учебных заведений не военного ведомства.

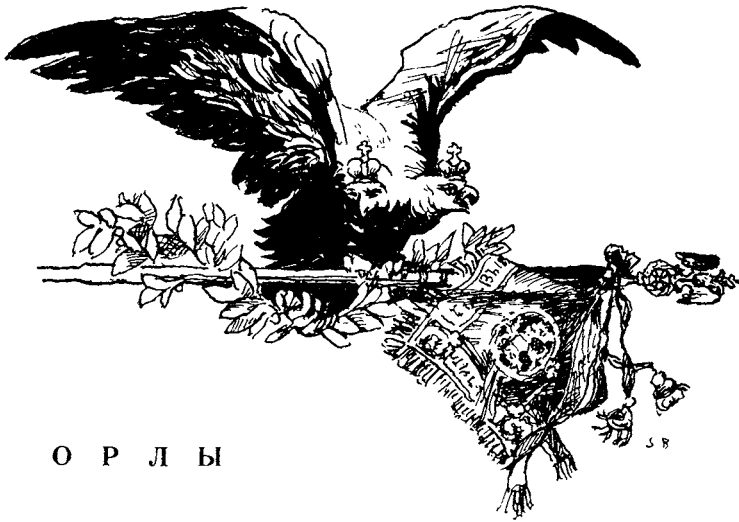

ГЕРБ РОДА РОМАНОВЫХ
Высочайше утвержденный 8-ХІІ-1856 г.

стую любил своего начальника-офицера; постепенно зарождалась та незримая связь, та крепкая слайка, то единение, которое так необходимо в боях и на службе в мирное время между офицером и солдатом. Строга была воинская дисциплина, суров был казарменный быт, но это нисколько не мешало взаимному пониманию, вере и любви... В тяжелые для России годы, кадровые офицеры и солдаты показали всему миру, что такое офицер и солдат Российской Императорской Армии, как они были столь же прекрасны и храбры, как их предки "гнезда Петрова" и "чудо богатыри" Суворова. Вечная всем им память!

Рыцарское начало отменной корректности и взаимного уважения есть тот тон, который отмечает в офицере заложенное воспитание в военных учебных заведениях. Основой воинского воспитания в Императорской Армии всегда был наш искони русский православный завет, веками освященный: "За Веру, Царя и Отечество", который крепко спаял всех офицеров Российской Императорской Армии в единую семью. Офицер был родным, заботливым отцом, внушая солдатам, что воинское звание — высоко и почетно, внедряя суворовское: "Все начинай с благословения Божьего. До последнего вздоха будь верен Царю и Отечеству. Сам погибай, а своего товарища — выручи. Бог нас видит. Он наш первый генерал. Горжись, что я — Русский..." Простым, понятным для крестьянина, языком офицеры объясняли молодым солдатам историю родного полка и службу Царю и Родине. Солдат верил, уважал и зачастую

А. Олехнович

О Р Л Ы

Орлами, “птенцами гнезда Петрова” назвал Пушкин военачальников Полтавской битвы. Первая битва Петрова войска — у Нарвы — была тяжелым, но полезным уроком для августейшего полководца и для его офицеров. На поражение у Нарвы они ответили блистательной победой под Полтавой и этим начали ряд великолепных побед на протяжении двух веков. Бывали и поражения в неравных для нас битвах, однако и в боевых неудачах Русский офицер многократно показал, что “тяжкий млат, дробя стекло, кует булат”. Перемены счастья боевого выковали подобный булагу дух офицера, рыцаря России.

Кунерсдорф, Рымник, Измаил, Треббия, Смоленск, Бородино, Севастополь, Плевна, Геок-Тепе, Порт-Артур, Бзура, Эрзерум, Луцк — вот этапы служения офицера Российской Державе. Гангут, Наварин, Чесма, Синоп прославили моряков наших.

Но более всего прославило офицера не то, что он побеждал, а то, как он воевал. Воинский артикул Петра начинался словами: “Богу великому хвала”; завет Суворова гласил: “Молись Богу, от Него победа”, “грех напрасно убивать”. Суворов учил — и офицер это заучил, — чтоб офицер был “отважен, но без запальчивости... подчиненный без унижения, начальник без излпшней на себя надежды, победитель без тщеславия, любочестив без надменности, благороден без гордости, во всем гибок без лукавства, тверд без упорства, скромн без притворства, основателен без педанства, приятен без легкомыслия, всегда одинаков и на все способен без унищрения, прощителен без пронырливости, откровенен без оплошности, услужлив без всяких для себя выгод, решителен, убега-тая известности; враг зависти, ненависти, мщениия; противников своих низлагает он своим снисхождением и владычествует над друзьями по своей непоколебимой верности”.

Геннальный Петр, благоразумный Миних, баловень счастья Потемкин, вдохновенный Румянцев, стопобедный Суворов, мудрый Кутузов, провидец Барклай-де-Толл, дерзновенный Дибич, твердый Ермолов, нападательный Скобелев, крепкий Гурко, стратег Алексеев, отважный Юденич — вот славнейшие вожди офицера в битвах за Россию, в его служении России.

“Орел орлам!” — такой телеграммой поздравил Командующий Армией Корниловцев, когда они с бою взяли город Орел. Орлами назвал их и генерал Врангель, вручая им знамя бывшего Георгиевского батальона. Он сказал: “Я вручаю вам это знамя храбрейших. На нем изображен орел, расправивший свои могучие крылья — ваш прообраз. На нем надпись “БЛАГО РОДИНЫ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО” и Георгиевские ленты и Георгиевский крест, украшающие груди Русских храбрецов. Достоянейшая награда увенчать вас, орлы-Корниловцы”. Орлами были чины знаменитого Марковского Офицерского полка и несокрушимые Дроздовцы. Орлами были офицеры и добровольцы и номерных полков пехоты, конницы, артиллерии Белых армий. Но превыше всех славны Первопоходники, первыми отозвавшиеся на призыв генерала Алексева и ставшие под команду генерала Корнилова.

Ныне люди, забывшие реальность 1917-20 г. г. или злонамеренно ее извращающие, с глумлением пишут, что из 250.000-ного корпуса офицеров только 36 генералов, 240 штаб-офицеров и 2073 обер-офицера стали Первопоходниками. Но тысячи офицеров стали несуженными первопоходниками — их, пробиравшихся с севера на Дон, расстреливали большевистские заставы. А десятки тысяч офицеров, мобилизованных Троцким, были казнены за то, что “снаружи были красными, как редиска, а внутри — белыми”, за то, что саботировали в боевой и тыловой работе Красной армии. Разве их подвиг не славен? Не равен подвигу тех, кто отымали у красных Царицын, Харьков, Курск, Киев?

В. Березанцев

МЫСЛИ ОФИЦЕРА

Нам не надо прощения. Мы ни в чем не виновны перед Россией, кроме того, что Ей и только Ей одной мы отдали себя. — Церковь учит нас прощать наших врагов, но не врагов нашей Родины, врагов России. — Отбоя не было... борьба продолжается. — Белыми мы должны остаться до конца, когда бы он ни наступил и каким бы он ни был. — Мы должны продолжать борьбу против коммунизма, не защищая ничьих интересов, только во имя нашей белой веры и верности.

Говорят, что генерал Врангель был честолюбив — это верно потому, что он больше всего любил честь. — К сожалению, я не из железа, но, к счастью, не из дерева.

Я хочу напомнить о том участнике Белой Борьбы, кто свою верность и свои силы отдал Национальной России сорок лет тому назад... кто свою семью и своих близких бросил на произвол беспощадной революции... кто после трех лет окопов Великой войны пошел добровольцем на три года в окопы войны Гражданской... кто жизнь свою положил в основу создания Белого фронта... кто своей кровью спаял Белые ряды... кто остался верным России и теперь, через сорок лет... кто остался единственным залогом того, что борьба не кончена... кто работал против большевиков штыком, а теперь продолжает работу идеями... **я думаю о русском добровольце, о Русском офицере.**

А. фон Лампе

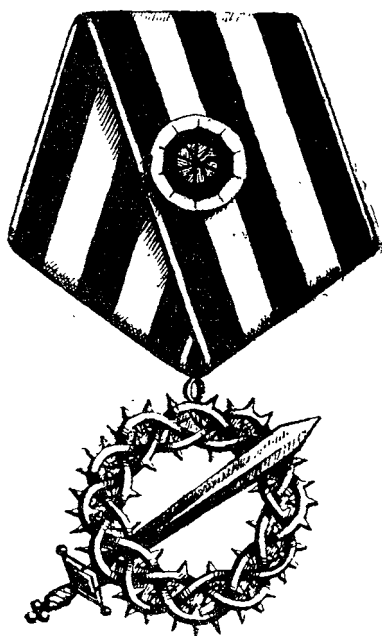
ПЕРВЫЙ КУБАНСКИЙ ГЕН. КОРНИЛОВА ПОХОД

Когда говорят об этом походе, кажется, что светлеет самый солнечный день, а рука тянется сотворить крестное знамение, а глаза — к небу. Сердце же наполняется гордой красотой. Свята земля и благословен ее род человеческий, потому что в самую стужную зиму их жизни зацвели на ней живые цветы. Земля, как перед смертью дерево, родила свое самое большое, сильное и красивое. Из корней выросло небо и людям даны были крылья. Священная белизна Первого Похода — гимн священной Русской Земли.

Б. СУВОРИН: “Первому походу нет равного в истории. Не то, что он был лучше, доблестнее или более тяжелым, а дело в том, что, начиная от вождей (они именно во всех смыслах этого слова были вождями) до рядового добро-

вольца-гимназиста или сестры милосердия, все были необыкновенными и эту необыкновенность чувствуешь гораздо больше, много лет спустя, чем она чувствовалась тогда. Тогда, по какому-то прекрасному чувству фатальности, все удовлетворялись формулой совершенно невероятной в наше время, столь реальное — по х о д в н е и з в е с т н о с т ь. Этим наш поход отличается от всего, что известно в истории Древний поход 10.000 греков из Персии, воспетый Ксенофонтом, имел цель — море. Величайший образец военного искусства и доблести, Швейцарский поход Суворова, тоже имел определенную цель. М ы ж е ш л и в н е и з в е с т н о с т ь. На карте легко заметить и особый смысл его: у станицы Корневской армия генерала Корнилова повернула на-лево и, описав восьмерку, через два месяца, уже под командой генерала Деникина, вернулась к тому же месту; восьмерка — символ бесконечности, вечности; поэтому-то наш поход — символический; поход света против тьмы, добра против зла, то есть вечный”.

А. ДЕНИКИН: “Почти три месяца продолжался Первый Кубанский Поход. 44 дня были с боями. Погребено 400 убитых, в числе их генерал Корнилов и командир его полка Нежинцев; ранено 1500 человек, некоторые по несколько раз. Это — героический итог, утвердивший Белое Дело. Русский офицер шел, не уставая; погибал, не считая своего количества. Не примирился, не склонился, не принял вражеской идеологии и посулов. Он остался, каким был издревле: славным и верным слугой своего народа... По степям Дона и Кубани ходила Добровольческая Армия, малая числом, оборванная, затравленная, окруженная, как символ гонимой России и русской государственности. На всем необъятном просторе нашей страны оставалось только одно место, где открыто развевался трехцветный русский флаг — это ставка генерала Корнилова”.

НЕПРИМИРИМОСТЬ ОФИЦЕРА

Офицеры ушли за рубеж, твердо веря, что борьба не кончена. Составили ружья в козлы и от них не отходили, ожидая приказа: "В ружье!" Время шло. Нужно пополнить военные познания, нужно учиться. Повторительные офицерские курсы создаются в крупных эмиграционных центрах. Генералы Андогский, Головин, Шуберский во Владивостоке, Париже и Белграде дают офицерам высшее военное образование.

В 1941 году генерал Скородумов подал сигнал боевой тревоги. Генерал Штейфон стал формировать Русский Корпус в Сербии. Пряча от нацистов свое ярко-национальное лицо, Корпус называется Сторожевым, но он сторожит свободу Европы от коммунистического рабства. Вследствие очень высокого среднего возраста чинов Корпуса не могло быть и речи об отправке его на Восточный фронт, где ему пришлось бы сразиться с молодыми красноармейцами. Поэтому Корпус дрался против коммунистов в Сербии. Офицеры, первые в мире поднявшие в конце 1917 года оружие против всемирного зла, понимали, что разбитие коммунистической банды Тито на берегу Дуная или Дравы равносильно разбитию советского батальона на Волге или Днепре.

В Корпус пошли все, сломав партийные перегородки, которые разделяли эмиграцию. Из 11 государств стекались офицеры в Корпус. Лед стоял в строю роты подле своего знука-студента; бедняк — рядом с богачем, продавшим, идя в Корпус, свой дом и мастерскую. "чтобы не иметь тыла".

Корпус дрался героически. 20 лет эмиграции не лишили офицера высоких офицерских качеств: Русский офицер — до смерти офицер!

Пусть некоторые из нас пошли на соглашательство. Но мы знаем, что и у Христа из 12-ти одип оказался не верным. Нам внушают: "Отзвонили. Пора и с колокольни прочь". — С колокольни мы уходим только на кладбище. Звонить и звонить будем. Проповедывать истину, загнанную в подполье — наш долг. Наша непримиримость не из упрямства — долг чести бессменного офицера повелевает бессменно оставаться на посту непримиримости к врагам Родины. Непримиримость это — идея, а идея не умирает, лишь бы были ее носители.

В. Крылов

НА КРОВИ ВОИНСТВА...

На крови и на костях Русского воинства созданы величие и слава Государства Российского. Сколько офицеров погибло в рядах Белых Армий! Сколько офицеров Красной армии уничтожено в застенках НКВД! Вместе с Тухачевским погибло до 50.000 человек; вместе с Блюхером — около 38.000 душ; немало офицеров погибло и в разных мелких восстаниях в СССР. Как бы коммунистическая партия не пропагандировала офицера, он все же остается в душе не красно-интернациональным, а нашим, Русским офицером. Поэтому на призыв генерала Власова отозвались десятки лучших генералов, тысячи кадровых офицеров, десятки тысяч младших командиров, возглавивших те два миллиона доблестных Русских солдат, вступивших в ряды РОА. Все они взяли оружие в руки, чтобы с корнем уничтожить коммунистический режим у себя на Родине и освободить из коммунистического рабства наш изнуренный народ.

Подобно тому, как были похищены и убиты возглавители Белых офицеров в эмиграции, так же и главное командование РОА было увезено в Москву и казнено. Как в 1920 году в Крыму коммунисты массово казнили оставшихся

там офицеров и солдат, так и сотни тысяч офицеров и солдат РОА были кроваво репрессированы.

Но генерал Власов сказал: “Может быть мы не дойдем до целей нашей борьбы, но нам предоставляется случай и мы должны использовать все возможности. Если мы и погибнем, то это будет не напрасно, ибо мы покажем путь для других, которые в конце концов дойдут до цели”. Генерал Меандров, будучи уже в тюрьме в Лансгуте, писал: “Наши идеи не погибнут — они подлинно народные и в них отражаются вековые устремления нашего народа. Пройдет время и нас назовут достойным именем”.

Мы, уцелевшие от выдачи и расправы, мы, офицеры РОА, духом присоединились к офицерам Белых Армий. И мы глубоко верим в то, что сказал генерал Кутепов: “Мы будем счастливы стать живым мостом, который свяжет воедино старую и новую Россию”.

А. Шолон

С Л А В А   О Ф И Ц Е Р У !

Политические идеи, построенные на логике, не знают человеческого милосердия. Новое, переходя в жизнь, всегда требует много крови и страшных, **принудительных** жертв. Офицер, больше всех понимает, что это значит, поэтому он всегда против этого нового, против недобровольных жертв. Он — за историческую эволюцию и преемственность, как нормальные этапы природного развития. Произрастание от корней, цветение и плодоношение, но корни сами не цветут, хотя и дают силу цветению. Организм государственный растет подобно организму человека, развивается и крепнет, подобно человеку. Он не развивается как бактерии и микробы. Жизни нужен смысл, служению — авторитет поколений. И все это с трудом, с верой, сознанием долга и с любовью к своим историческим корням.

Русский офицер на своей тысячелетней службе Родине, шагая по Азии и Европе: у Амура, Хивы, Туркестана, Маньчжурии, Кавказа, у Чортова Моста, Берлина, Лейпцига, на Балканах, клал свои кости, как кирпичи, в фундамент своего Отечества. Это он создал Государство — Империю и Великую Русскую нацию. Он раздвинул границы и горизонты понимания и назначения патриотического сына своего отечества. Он своим примером влил в кровь и сознание своего народа героическое и жертвенное начало, как основы пути Христовлюбивого Государства.

Величие и сила, значение и право на государственную жизнь народа измеряются количеством его солдатских могил и качеством их жертвенной крови. И, конечно, придет еще время, когда народ поймет своего офицера, а солдат вернется к нему. Потому что ни любовь — жертва, ни вера — верность не пропадают. А для жизни нужны не только тело, но и дух, а офицер был олицетворением этого духа, а дух — подвига. Когда он горел, он не сгорал на золу и угли, его дело оставалось и в достоинстве нации и в величии Отечества. Потому что он начал свое хождение за славой в лаптях, оставив соху, чтобы сыны его надели сапоги и сели на боевые колесницы и пахали более легким трудом.

Служба Отечеству и народу, вере и царю, создала бескорыстного служаку — офицера, благородного по виду, содержанию и делам, ничего не заслужившего для своей личной жизни в смысле материальных богатств, но в своих

детях передавшего офицерские идеалы: долга и верности, а по русской истории прочертившего пример и образец жизни, службы и нераздельной любви.

Оглядываясь на последнее русское лихолетье, проследим последние пути русского офицера, когда он остался один и боролся не только против внешнего и внутреннего врага, но и против новой эпохи, бездушной и материальной, против новых людей эгоистичных и жадно-жестоких, против расслабляющего волю и мозг красного и розового тумана, — словом против всех, не прошедших путем русского офицера и не понявших откровеннических истин, на нем открывшихся.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. В Добровольческую Армию ушло все активно доброе, честное, душевно-энергичное. Та идейная надслойка, которая не орудовала громкими словами, а молча надела вещевой мешок и в руку взяла винтовку. Для того, чтобы продолжалась на русской земле правда, а в ней самой остался свет. Если не по всей земле, то хоть над их могильным холмиком. Умереть самим, чтобы жил русский человек. В Добровольческую армию ушел, еще не цветший русский папортник, росший уже больше тысячелетия, и вот, в 1918 году, впервые расцветший белыми цветами на белом снежном поле Дона и Кубани. Благословенно поле, время и цветы... Без готовности принести себя и других в жертву, нельзя осилить жизни. А совершив это, возможно обрести смысл своего бытия.

И Добровольческая армия делал на земле то дело, для которого предназначено, собственно, небо. Глубина земной правды оправдывалась солнечным светом, но надо было его достать. Доставали. Сгорали. Но не сдавались и не отступали. Земля потемнела, люди потеряли человеческий облик, русский офицер не мог в эту обезличенную кучу бросить и свой лик. Наоборот, он хотел вырвать из этой кучи и лик своей страны и своего народа. И вырвал, зная настоящность правды, выполнив приказ сердца и вековечный офицерский долг.

Это было вроде сказки: волшебной и сильно, а потому и не сбылось. Но в этой сказке много открылось, было многое совершенно праведного и вечного, которое нужно было и прошлому фундаменту и будущему дому Российскому. Это же делали и другие Белые Армии.

“...Где лебеди? — спрашивает Марина Цветаева: “а лебеди ушли. А вороны? А вороны остались. Куда ушли? Куда и журавли. Зачем ушли? — Чтобы крылья недоставались”.

РУССКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ АРМИЯ, горя той же любовью к своей поруганной Родине, которой испокон веков горел ее солдат, стала против своих поработителей — коммунистов. Ее офицеры стали на исторический путь русского офицера, православного христоролюбивого воина, порвав с красной, не русской, идеологией и тиранией. “Возвращается ветер на круги своя”. То же надо сказать и о Русской Национальной Армии генерала Хольмстона.

РУССКИЙ КОРПУС, состоявший из русских офицеров и их сыновей, непримирившийся, пошел на борьбу с коммунизмом, как только этому представилась возможность. Желая служить русскому делу, они, несмотря на свой не солдатский возраст, взялись опять за оружие и пошли в поход. Но судьба опять не сжалилась над ними и они не увидели своего Куликова поля.

КАЗАКИ. Опять брошены очаги и семьи, и опять в седло. Это ли не пример ратной службы? Не долг ли перед своей Родиной? Не пример ли любви и не образец ли непримиримости к врагам-поработителям?...

Когда человек рождается, ему бессловесному и неразумному, при святом

крещении дают имя, чтобы звать его и ему откликаться. Когда мы выросли и нам надо было из потребителя стать производителем, мы выбрали себе офицерскую службу, наиболее ответственную, героическую и красивую, и тогда мы получили второе имя: "ОФИЦЕР". И принесли присягу на честь и долг.

Надо было случиться, что мы оказались на смене эпох, когда упразднили офицера-рыцаря, идеалиста, христолюбца, создателя офицера-техника, робота, убийцу. Лондон, Берлин, Гамбург, Дрезден, Хиросима, Нагасаки... Убивали жителей; с английских истребителей хладнокровно расстреливали женщин и детей, спасшихся и бежавших из Дрездена.

Никто никогда на своем недолгом жизненном пути не видал столько, сколько видели мы: научных и технических достижений и моральных потерь и падений. Романтика военных походов и красота баталлий уходит и на смену ей приходит бойня, устрашающий террор и голый расчет: статистика, электронные мозги и человеческая бесчеловечность. Порыв и горение, чем руководствовались мы, теперь заменен автоматизмом, технически регламентированным и административно руководимым. Наш офицер по-рыцарски умирал — за свою эпоху, за свои идеалы, которым служил, коотрым клялся. И взял свой шаг из этого прошлого, найдя там авторитет и смысл борьбы. Но на этот раз офицеру было гораздо труднее: ни солдат, ни народ, ни толстосумы, ни тонкодумы не были с ним, а как раз наоборот, против него. Враги, всевозможных наций, классов и идеологий, с завидной энергией уничтожали и устрашали офицера, который не сменял своих вех, не предавал отечественного прошлого. Офицер расплатился сполна за грехи всех и вся, прикрыв пугливых и нейтральных, и вытянув слабых, которые отсидевшись, окрепнув и "демократически поумнев", теперь его хулят и поносят.

Офицеры в Первом Кубанском Походе спели свою лебединую песнь звонко и достойно, поставив светлый памятник ушедшей, романтической эпохе. В нем вся тысячелетняя сила и красота ратной службы и гражданской любви.

Есть высокий девиз жизни: быть праведным до конца. Девизом же русского офицера является — быть верным Родине своей до конца. И такого офицера занесут в историческую книгу России, как ее самого верного слугу. А если книги не будет, то к воротам будущей России прибьют его имя золотыми гвоздями. А если и ворот не будет, то небо останется и к нему подымут из его телесного праха бессмертную душу и она станет путеводной звездой будущих строителей России.

Когда умирает офицер, то его тело, опять бессловесное, как при рождении, погребают, но его дух н е у м и р а е т, а идет в ту сокровищницу духа, из которой черпает свои откровения нация и силу человечество. Офицер — великая и лучшая часть и честь нации.

На службе, в боях и походах и теперь в беженстве, он продолжает свой светлый путь достойно и верно, терпеливо и просто. Он сходит, верный Родине, не примирившийся с врагами ее и не предавший своего офицерского духа.

От имени рано павших, но во-время пошедших по пути борьбы с врагами нашей Родины, от имени живых и верных сынов Родины, сохранивших веру в освобождение ее, я п р о в о з г л а ш а ю с л а в у р у с с к о м у о ф и ц е р у .

Да будет эта памятка ему венком, сплетенным из нашей любви и верности их и нашему пути.

Слава офицеру ныне и присно!

И. Эйхенбаум